

Экономика

УДК 330.1

DOI: 10.28995/3033-7216-2025-4-74-88

Логико-гносеологический анализ последствий современного экономического неолиберализма

Борис В. Салихов

ФГБНУ «Экспертно-аналитический центр», Москва, Россия

Центральный экономико-математический институт РАН

Москва, Россия, mgsusalikhov@yandex.ru

Ирина С. Салихова

Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия

Центральный экономико-математический институт

РАН, Москва, Россия, irinasalikhova@yandex.ru

Владимир К. Спильниченко

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, spilnvladimir@yandex.ru

Аннотация. В статье охарактеризовано соотношение экономического либерализма (сущность) и его монетарной формы как действующего неолиберального политэкономического концепта (явление). Показано, что потенциал социально-экономических дисфункций монетарной плутократии (власти денег) как основы неолиберализма не имеет прямого отношения к либеральной модели экономики как таковой. Выявлена онтология деструктивного качества неолиберализма, заключающаяся в эгоистически-потребительской форме индивидуализма как следствия гипертрофии личной свободы индивида при одновременном угнетении общественной необходимости. Обоснованы негативные последствия монетарной плутократии для современного социально-экономического развития. Доказано, что неолиберализм является системным научно-практическим фактором деструкции творчески-трудового потенциала собственников человеческого капитала, источником разрушения созидательного качества государства как институционального предпринимателя, а также основанием подрыва демократических механизмов гражданского общества. Охарактеризован социокультурный кризис как функция финансализации общественных отношений, а также верифицированы необходимость и основы его преодоления.

© Салихов Б.В., Салихова И.С., Спильниченко В.К., 2025

ISSN 3033-7216 • RSUH/RGGU Bulletin. "Economics and Management" Series, 2025, no. 4

Ключевые слова: свобода и необходимость, экономический либерализм, неолиберализм, монетарная plutokратия, индивидуализм, финансализация, деструктивные последствия неолиберализма, социокультурный кризис

Для цитирования: Салихов Б.В., Салихова И.С., Спильниченко В.К. Логико-гносеологический анализ последствий современного экономического неолиберализма // Вестник РГГУ. Серия «Экономика и управление». 2025. № 4. С. 74–88. DOI: 10.28995/3033-7216-2025-4-74-88

Logical and epistemological analysis of the consequences of modern economic neoliberalism

Boris V. Salikhov

FSBSI “Expert-Analytical Center”, Moscow, Russia

Russian Academy of Sciences Central Economics

and Mathematics Institute, Moscow, Russia, mgususalikhov@yandex.ru

Irina S. Salikhova

Moscow Witte University, Moscow, Russia

Central Economics and Mathematics Institute

(CEMI) of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia, irinasalikhova@yandex.ru

Vladimir K. Spilnichenko

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, spilnvladimir@yandex.ru

Abstract. The article characterizes the relationship between economic liberalism (essence) and its monetary form as an active neoliberal political economy concept (phenomenon). It is shown that the potential for socio-economic dysfunctions of monetary plutocracy (the power of money), as the basis of neoliberalism, has no direct relation to the liberal model of economy as such. The ontology of the destructive quality of neoliberalism is revealed, consisting in the egotistically – consumerist form of individualism as a consequence of the hypertrophy of personal freedom of the individual with the simultaneous oppression of social necessity. The logically determined negative consequences of monetary plutocracy for modern socio-economic development are substantiated. It is proven that neoliberalism is a systemic scientific and practical factor in the destruction of the creative and labor potential of the owners of human capital, a source of destruction of the creative quality of the state as an institutional entrepreneur, as well as the basis for undermining the democratic mechanisms of civil society. The socio-cultural crisis is characterized as a function of the financialization of social relations, and the necessity and foundations for overcoming it are verified.

Keywords: freedom and necessity, economic liberalism, neoliberalism, monetary plutocracy, individualism, financialization, destructive consequences of neoliberalism, socio-cultural crisis

For citation: Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. and Spilnichenko, V.K. (2025), "Logical and epistemological analysis of the consequences of modern economic neoliberalism", *RSUH/RGGU Bulletin. "Economics and Management" Series*, no. 4, pp. 74-88, DOI: 10.28995/3033-7216-2025-4-74-88

Введение

В современных условиях все более актуализируется поиск новых форм социально-экономической трансформации. И поскольку в большинстве стран, включая Россию, экономические отношения функционируют в парадигме монетарной формы экономического либерализма, или неолиберализма, то именно данный политэкономический концепт становится исследовательским «центром тяжести». В связи с этим актуальным представляется более предметный анализ данного концепта. Цель статьи заключается в выявлении сущностных оснований неолиберального концепта, а также в общей характеристике его последствий для современной экономики. Достижение данной цели предполагает решение следующих исследовательских задач. Во-первых, необходимо выявить природу деструктивного потенциала неолиберализма. Во-вторых, исходя из выявленной природы неолиберализма, следует охарактеризовать системные и логически связанные негативные последствия данного политэкономического концепта.

Онтология деструктивного потенциала неолиберального политэкономического концепта

Несмотря на справедливую критику неолиберализма в революционной литературе, собственно экономический либерализм едва ли заслуживает только отрицательных оценок, поскольку, по сути, был и остается фактором обеспечения высокой, прежде всего экономической, эффективности. Экономический либерализм, основанный на динамическом равновесии *свободы и необходимости*¹, представляет собой политэкономический идеал,

¹ См.: Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008. 352 с.

достичь которого пока едва ли удалось кому-либо и где-либо хотя бы в сколько-нибудь полной мере. Очевидно, объектом критики должен быть отнюдь не как таковой экономический либерализм, а его *конкретная неолиберальная, или монетарная «реверсивно-инволюционная» форма* [Бузгалин 2018]. Именно данная форма сегодня является онтологией деструкции, причем как экономики, так и общества. Подчеркнем, что не экономический либерализм (содержание), а его бытие в качестве неолиберальной монетарной plutократии, или власти денег (форма), видится причиной деструкции мирового и национальных хозяйств. В чем же заключается онтология названной деструкции?

Во-первых, глубинным основанием системных негативных эффектов неолиберализма является его «нейтралитет» по отношению к созиательным социокультурным основаниям хозяйственного развития. Известно, что в цивилизации воинствующего рационализма человек является средством, а не целью хозяйственной деятельности. При этом еще М. Вебер подчеркивал, что влияние нравственных установок на капиталистическое хозяйство есть такая же «помеха, как регламентирование экономики со стороны государства»². В этих условиях *экономический человек*, рано или поздно, утрачивает истинные (прогрессивные, созиательные) смыслы своего бытия.

Здесь уместно напомнить, что «всякая наука упрощает действительность, ставя на место конкретности с ее неисследимой сложностью и неопределенностью схематические понятия»³. В частности,

...для известной ориентировки в явлениях жизни в определенном отношении имеет значение, например, даже фикция «экономического человека», выработанная политической экономией, но, если смотреть через ее призму на жизнь и историю, получается, конечно, уродливое и прямо неверное представление⁴.

Таким образом, философская суть деструктивного потенциала неолиберализма состоит в господстве *экономического материализма*, проявляющегося в *расточительном отношении* к

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2021. С. 43.

³ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 253.

⁴ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 254.

жизни, о чем было сказано как в классической⁵, так и говорится в современной литературе [Шишкина 2023].

Во-вторых, резонно полагать, что в условиях парадигмы экономической безнравственности рынок априори был и остается «выше» государства, а личность как индивид «выше» общества. Закономерным итогом становится перманентная трансформация социально-экономической системы в сторону *гипертрофии индивидуальной свободы* при одновременном искусственном *угнетении общественной необходимости*. Происходит естественное «поражение в правах» общества перед воинствующим индивидом, который все менее утруждает себя императивом осознания общих интересов социума, а также интересов окружающих его других индивидов.

Сформировавшийся и пустивший глубокие корни воинствующий индивидуализм при устойчивом нарушении баланса свободы и необходимости в сторону гипертрофированной свободы объективно становится эгоистическим индивидуализмом с приоритетом отнюдь не духовных, а утилитарных ценностей. Именно отсюда проистекает приоритет конкурентного рынка по отношению к государству и общественному сектору хозяйства. Между тем, в современных условиях роль и значение общественного сектора неуклонно возрастают. Причем нарастание сложности в форме новых вызовов и угроз объективно нацеливает на расширенное воспроизводство таких общих благ, как технологический суверенитет, достойная среда жизни, экономическая безопасность [Бобров и др. 2020, Тебекин 2023] и др.

Далее, в рамках неолиберальной парадигмы формируется преобладание методологического индивидуализма над методологическим холицизмом. Правда, здесь имеет место определенная динамика уровней полноты элементов обоих концептов [Тамбовцев 2021]. В частности, в странах лидирующей группы более предпочтительные позиции занимают инклузивные институты «снизу», что в рамках неолиберализма привело к известной «вековой стагнации». В странах догоняющего развития приоритет принадлежит экстрактивным нормам, воссоздаваемым государством «сверху», что определяет застойную форму холицизма [Полтерович 2018]. При этом в авторитарных системах имеет место *иррациональный методологический холицизм* (скрытый индивидуализм власти имущего критического субъекта), поскольку здесь

⁵ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.

бюрократический класс, обладая властью-собственностью, реализует свои индивидуалистические интересы.

Таким образом, онтология деструктивного потенциала неолиберального политэкономического концепта заключается в общей «разбалансировке» динамического единства свободы и необходимости. Вне понимания необходимости обеспечения соответствующего баланса ни методологический индивидуализм, ни методологический холизм не должны становиться объектом критики со стороны, соответственно, «левых» (рыночники) и «правых» (государственники) представителей современной политической экономии. Особенно это касается критиков индивидуалистического концепта и, следовательно (заодно), как такого-всего экономического либерализма и свободного рынка.

Следовательно, научная парадигма методологического индивидуализма, хотя и может быть объектом критического анализа, тем не менее отнюдь не огульного и без «права на защиту». Суть названной защиты определяется тем, что, «во-первых, методологический индивидуализм не приписывает людям исключительно узокорыстных, эгоистических мотивов поведения... Во-вторых, методологический индивидуализм не требует от агентов совершенной рациональности» [Капелюшников 2024, с. 44–45] и т. д. При этом, очевидно, вполне справедливой является критика индивидуализма, проявляющегося именно в неолиберальной политэкономической парадигме, и здесь есть о чем сказать.

Общая характеристика негативных социально-экономических последствий монетарной плутократии (власти денег)

Анализ последствий неолиберализма как *монетарной формы экономического либерализма в целом*, свидетельствуют о том, что ожидания высокой его социально-экономической эффективности оказались, мягко говоря, завышенными [Бузгалин 2018]. К примеру, в денежном секторе экономики западных стран увеличивается доля «мусорных» облигаций, а глобальный долг в 2022 г. достиг 297 трлн долл. США, что составило 349% мирового ВВП [Пак, Пекарский 2024, с. 34], причем именно так называемые страны-лидеры (коллективный Запад) демонстрируют «жизнь не по средствам», пытаясь удержать свое господство в рамках однополярного мира [Федюнина, Симачев 2024].

Также известно, что экономики названных стран уже давно находятся в «ликвидной ловушке», что обосновывается, в том числе, отрицательными значениями процентных ставок как следствием продолжающейся монетарной экспансии [Скоробогатов 2024], перерастающей в «финансовую репрессию» [Пак, Пекарский, 2024]. В этих условиях едва ли резонно считать, что усиление кризисных явлений в мировой экономике есть результат лишь отдельных «недоработок» неолиберализма. Скорее имеют место существенные изъяны действующего научно-практического концепта, хотя в научной литературе все еще бытуют попытки обоснования непреходящей научно-практической матрицы монетаризма [Моисеев 2018].

Негативные социально-экономические последствия неолиберализма имеют своим основанием то, что *денежный сектор экономики институционализируется как приоритетный относительно отраслей и секторов реального производства*. Суть монетаризма в том, что денежные регуляторы позиционируются как ключевые, однако, как показала практика, выбор монетарной формы либерализма явился не самым оптимальным. При этом стремление «реанимировать» действующий монетарный концепт лишь усугубляет его кризис, проявляющийся в попытках западных стран найти выход из ситуации путем нагнетания угрозы войны [Хантингтон 2020]. Конкретные негативные последствия монетарной плутократии для современного социально-экономического развития заключаются в следующих положениях.

Первое. Деструктивное качество неолиберализма проявилось в невозможности наиболее полной реализации творчески-трудового потенциала национальных хозяйственных систем, пораженных «вирусом» монетаризма. Суть сказанного исходит, как известно, из объявления безусловного приоритета целей и инструментов денежно-кредитной политики в решении текущих социально-экономических задач. Однако именно этот приоритет, рано или поздно, приобретает характер всеобщности, воспроизводя феномен финансализации в рамках не только хозяйственных, но и всей системы общественных отношений [Глазьев 2022]; здесь экономика «денег и зрелиц» становится выше экономики «производства и хлеба».

Также отметим, что финансализация политэкономических и в целом социальных отношений существенно тормозит развитие общественного сектора хозяйства, что приводит к замедлению темпов воспроизводства систем неявного знания (данное знание создается, прежде всего, в рамках научно-образо-

вательного комплекса страны), критически необходимого для высокоэффективного освоения био- и нанотехнологий. Все более очевидно, что расширенное воспроизводство национального креативно-интеллектуального капитала и монетарная политэкономическая модель хозяйственного развития показывают свою несовместимость, особенно в условиях новой роли человека в современной экономике [Вахитов 2023].

Все более очевидно, что

...экономический материализм совершенно игнорирует личность, приравнивая ее к нулевой величине... Очевидно, что при этой концепции нет места ни свободе, ни творчеству, ни какому бы то ни было человеческому прагматизму, над ним царит механизм⁶.

Неолиберальное «царство механизма» и «экономического материализма», а не живого человеческого творчества и созидания, закономерно привело к множеству глобальных цивилизационных проблем, среди которых выделяется, прежде всего, углубляющийся разрыв между странами «золотого миллиарда» (лидирующая группа) и периферией (страны догоняющего развития), что уже сегодня привело не только к масштабному переселению народов, но и к потере национальной идентичности народов, в том числе высокоразвитых стран [Полтерович 2018].

Второе. Монетарная plutokратия и тотальная финансализация политэкономических отношений не могли не привести к монетарной эрозии государства, где все в большей степени интересы индивидов-чиновников начинают преобладать над интересами членов общества. Это означает критические субъекты, даже в странах с развитыми традициями рыночной и смешанной экономики, обладая реальными полномочиями и возможностями трансформации всей институциональной системы, *не демонстрируют способности к такой трансформации*, полагая, что у действующей монетарно-плутократической модели либерализма еще есть шансы для развития «капитализма всеобщего блага» [Шваб 2022].

Третье. Монетаризм и тотальная финансализация не только экономических, но и социальных отношений закономерно приводит к подрыву демократических механизмов гражданского общества. Известно, что классический сценарий либерально-демократического хозяйственного развития всегда непосред-

⁶ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 306–307.

ственно связан с действительностью гражданского общества, призванного «производить» не всякое, а именно правовое государство⁷. В связи с этим напомним, что

...политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена... На рынке люди меняют яблоки на апельсины, а в политике – соглашаются платить налоги в обмен на необходимые всем и каждому блага: от местной пожарной охраны до суда⁸.

Между тем индивиды, пораженные монетарным «вирусом» эгоистического потребления, все менее способны воссоздавать гражданское общество. Таким образом, государственные управленические, организационные, институциональные и иные дисфункции являются закономерным следствием именно низкого качества общественных институтов. В результате общество теряет свое *гражданское качество* и постепенно оказывается в бездне «гоббсовских джунглей», становясь подверженным случайным социальным флюктуациям. При этом потеря обществом своего *гражданского качества* вполне может быть следствием определенных манипуляций действующей власти, вариативно использующей, прежде всего, денежные инструменты с целью расширенного монетарного «воспроизведения» своих сторонников [Бузгалин 2018; Рубинштейн 2006].

Четвертое. Монетарная форма либерализма и финансализация системы общественных отношений закономерно приводят к деструкции социокультурных оснований хозяйственного развития, к эрозии творчески-трудовых смыслов человеческой деятельности. Рассмотренные ранее деструктивные последствия неолиберализма на определенном этапе закономерно формируют некую «критическую массу» социокультурных форм, означающих подрыв цивилизационной идентичности личности и социума, или попросту провал цивилизации [Салихов, Салихова 2024]. Более того, продолжающееся внедрение неолиберального монетарно-плутократического концепта может привести к разрушению как таковой человеческой цивилизации, и именно это обстоятельство позволяет исследователям сделать весьма ак-

⁷ См.: *Мизес Л. Индивид, рынок и правовое государство*. СПб.: Пневма, 2010. 200 с.

⁸ *Бьюкенен Дж.М. Сочинения*: Пер. с англ. Серия «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. М.: Таурус Альфа, 1997. С. 23.

туальный вывод о том, что лечить нужно не экономику; лечить нужно цивилизацию [Данилов-Данильян 2009].

Очевидно, что грубое и механистическое понимание экономики не позволяет человеку проявить свои лучшие качества как творца; здесь вопрос о том, «что есть сам человек», уступает место вопросу о том, «что у человека есть»⁹. К сожалению, системное насаждение антиценостей эгоистического индивидуализма привело к разрушению истинного человеческого начала во всех видах социокультурных и экономических практик. Сказанное означает, что современное человеческое сообщество переживает весьма опасный этап *глобального социокультурного кризиса*, преодоление которого носит весьма вариативный характер.

Резонно полагать, что *если основанием Великой депрессии прошлого века были в основном технико-экономические и производственные формы, выраженные в кризисе перепроизводства товаров, то начавшаяся современная Великая стагнация имеет своим основанием прежде всего социокультурные формы, проявляющиеся в кризисе перепроизводства экзистенциальных смыслов, вызванном онтологией и логикой развития неолиберальной монетарной плутократии*. Для более системного понимания данного умозаключения следует конкретизировать содержание *Великой кризисной стагнации* мирового хозяйства и национальных хозяйственных систем как функции неолиберальной модели социально-экономической трансформации (рис. 1).

Таким образом, неолиберальный политэкономический концепт, не совсем удачно, мягко говоря, «заточенный» под социокультурный «грунт» даже стран Запада, тем более неприемлем для решения задач социально-экономической трансформации в хозяйственных системах догоняющего развития. Между тем в современных условиях, к сожалению, по-прежнему преимущественно исследуются так называемые несовершенства конкурентного рынка, частично нейтрализуемые с помощью институциональной практики государства. Однако «за кадром» остаются все более значимые междисциплинарные и цивилизационные аспекты социально-экономической трансформации. Более того, деятельность государства по устранению недостатков современного рынка далеко не всегда сопровождается стремлением бюрократии к оптимальному распределению редких ресурсов. Здесь все больше решающее значение имеет политическое будущее

⁹ См.: Шопенгауэр А. Введение в философию; Новые паралипомены; об интересном: Сборник. Мн.: Попурри, 2000. 766 с.

Рис. 1. Содержание кризиса современной экономики как функция неолиберальной формы социально-экономической трансформации. Источник: составлен авторами

именно данной бюрократии, а не высокая эффективность социально-экономических преобразований [Полтерович 2021; Тамбовцев 2019]. При этом государство, не способное высокоэффективно устранять недостатки рынка, само терпит фиаско и провоцирует еще большие, в том числе социокультурные, дисфункции.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного исследования резонно предложить следующие умозаключения, обобщающие суть и смысл решенных творческих задач. *Во-первых*, заявленная онтология неолиберализма как основание его деструктивного потенциала заключается в устойчивости «сдвига» в пользу индивидуального и частного, относительно коллективного (группового) и общего (национального). В условиях неолиберализма именно воинствующая в своей эгоистически-потребительской неудержанности свобода всегда оказывается «выше» социальной и коллективной необходимости. *Научно-практическое значение* сказанного заключается в необходимости поиска путей оптимизации *индивидуальной свободы* личности как уникального индивида и *общественной необходимости*, где личность выступает уже как член социума.

Во-вторых, потенциал деструктивных последствий неолиберализма заключается отнюдь не в концепции экономического либерализма, а в его монетарно-плутократической форме, поразившей «вирусом» финансализации не только собственно экономику, но и всю систему общественных отношений. Деструктивное качество неолиберализма проявляется в невозможности наиболее полной реализации творчески-трудового потенциала национальных социально-экономических систем, разрушении созидающего потенциала государства как институционального предпринимателя, подрыве демократических механизмов гражданского общества и деструкции социокультурных оснований хозяйственного развития.

В связи с этим резонно отметить, что если в период Великой депрессии прошлого века «вирус» монетарной плутократии еще находился в состоянии своего «утробного» развития, то в современных условиях он принял выраженную форму «злочестивного» экономического образования, требующего соответствующего научно-практического «хирургического» воздействия. Очевидно, что наряду с необходимостью разработки новой политэкономической парадигмы современного социально-экономического развития, актуализируется потребность в «ренессансе» философии хозяйства, а также в новой экономической культуре, экономической психологии и педагогике.

Литература

- Бобров и др. 2020 – *Бобров Д.В., Шулус А.А., Фарисов Ф.Ф.* О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества // *Социология и право*. 2020. № 2 (48). С. 83–89. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-2-83-89. EDN ZIRWOM.
- Бузгалин 2018 – *Бузгалин А.В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // *Вопросы экономики*. 2018. № 2. С. 122–142.
- Вахитов 2023 – *Вахитов В.К.* Измерение роли человека в переходе от трехсекторной модели экономики к информационному обществу // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2023. № 4 (47). С. 16–22.
- Глазьев 2022 – *Глазьев С.Ю.* За горизонтом конца истории: Монография. М.: Проспект, 2022. 416 с.
- Данилов-Данильян 2009 – *Данилов-Данильян В.* Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // *Вопросы экономики*. 2009. № 7. С. 31–42.
- Капелюшников 2024 – *Капелюшников Р.И.* Концепция культурной эволюции Ф.А. Хайека и эволюционная психология (Часть вторая) // *Вопросы экономики*. 2024. № 7. С. 25–53.
- Моисеев 2018 – *Моисеев С.Р.* «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // *Вопросы экономики*. 2018. № 1. С. 26–45.
- Пак, Пекарский 2024 – *Пак Е.А., Пекарский С.Э.* Рост государственного долга: возвращение финансовой репрессии и высокой инфляции? // *Вопросы экономики*. 2024. № 1. С. 33–52.
- Полтерович 2018 – *Полтерович В.М.* К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. 2018. № 12. С. 77–103.
- Полтерович 2021 – *Полтерович В.М.* Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. 2021 № 1. С. 52–73.
- Рубинштейн 2006 – *Рубинштейн А.* «Группы и их интересы»: приглашение к дискуссии // *Вопросы экономики*. 2006. № 11. С. 79–95.
- Салихов и др. 2024 – *Салихов Б.В., Салихова И.С., Жуков А.О.* Детерминанты гуманистической направленности социально-экономической трансформации // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2024. № 4. С. 50–59.
- Скоробогатов 2024 – *Скоробогатов А.С.* Денежно-кредитная политика и долговременная стабильность экономики // *Вопросы экономики*. 2024. № 8. С. 28–50.
- Тамбовцев 2019 – *Тамбовцев В.Л.* Идеи и интересы, экономическая политика и институты // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 26–46.
- Тамбовцев 2021 – *Тамбовцев В.Л.* Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // *Вопросы экономики*. 2021. № 1. С. 33–52.
- Тебекин 2023 – *Тебекин А.В.* Современные проблемы экономической безопасности страны // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление*. 2023. № 2 (45). С. 7–13.

- Федюнина, Симачев 2024 – *Федюнина А.А., Симачев Ю.В. Мир в лабиринте санкций: неоднозначность эмпирических свидетельств* // Вопросы экономики. 2024. № 8. С. 5–28.
- Хантингтон 2020 – *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций*. М.: Изд-во АСТ, 2020. 640 с.
- Шваб 2022 – *Шваб К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики* / М.: Эксмо, 2022. 352 с.
- Шишкина 2023 – *Шишкина Т.М. Экономический анализ демонстративного расточительства: история и современность* // Вопросы экономики. 2023. № 4. С. 119–135.

References

- Bobrov, D.V., Shulus, A.A. and Farisov, F.F. (2020), “The Interdisciplinary Functional Dynamic Approach to the Analysis of the Political System of Modern Society”, *Sociology and Law*, no. 2 (48), pp. 83-89.
- Buzgalin, A.V. (2018), “The decline of neoliberalism (on the 200th birth anniversary of Karl Marx)”, *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 122-142.
- Danilov-Danilyan, V. (2009), “Global crisis as a consequence of structural changes in the economy”, *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 31-41.
- Fedyunina, A.A. and Simachev, Yu.V. (2024), “The world in the maze of sanctions. Ambiguity of empirical evidence”, *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 5-27.
- Glazyev, S.Yu. (2022), *Za gorizontom kontsa istorii: Monografiya* [Beyond the horizon of the end of history. A monograph], Prospekt, Moscow, Russia.
- Huntington, S. (2020), *Stolknovenie tsivilizatsii* [The clash of civilizations], AST, Moscow, Russia.
- Kapeliushnikov, R.I. (2024), “The theory of cultural evolution by F.A. Hayek and evolutionary psychology (Part two)”, *Voprosy ekonomiki*, no. 7, pp. 25-53.
- Moiseev, S.R. (2018), “Monetarism’s ‘renaissance’: How the well-known theory lived in 2000–2018”, *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 26-44.
- Pak, E.A. and Pekarskii, S.E. (2024), “Soaring public debt: Return of financial repression and high inflation?”, *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 33-52.
- Polterovich, V.M. (2018), “On a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms”, *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 77-103.
- Polterovich, V.M. (2021), “Crisis of institutions of political competition, Internet and collaborative democracy”, *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 52-72.
- Rubinstein, A. (2006), “‘Groups and their interests’. Invitation to a discussion”, *Voprosy ekonomiki*, no. 11, pp. 79-94.
- Salikhov, B.V., Salikhova, I.S. and Zhukov, A.O. (2024), “Determinants of the humanistic orientation of socio-economic transformation”, *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, no. 4, pp. 50-59.
- Schwab, K.M. (2022), *Kapitalizm vseobshchego blaga: novaya model' mirovoi ekonomiki* [Capitalism for the common good. A new model of the global economy], Eksmo, Moscow, Russia.
- Skorobogatov, A.S. (2024), “Monetary policy and long-run economic stability”, *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 28-50.
- Tambovtsev, V.L. (2019), “Ideas and interests, economic policy and institutions”, *Voprosy ekonomiki*, no. 5, pp. 26-46.
- Tambovtsev, V.L. (2021), “Is unified institutional economics possible?”, *Voprosy ekonomiki*, no. 1, pp. 33-52.

- Tebekin, A.V. (2023), "Modern problems of economic security of the country", *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, no. 2 (45), pp. 7-13.
- Shishkina, T.M. (2023), "Economic analysis of demonstrative waste: historical overview and modern approaches", *Voprosy ekonomiki*, no. 4, pp. 119-135.
- Vakhitov, V.K. (2023), "Changes in the role and position of a person in the management process in the information society", *Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management*, no. 4 (47), pp. 16-22.

Информация об авторах

Борис В. Салихов, доктор экономических наук, профессор, ФГБНУ «Экспертно-аналитический центр», Москва, Россия; 109316, Россия, Москва, ул. Талалихина, д. 33, стр. 4;

Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 47; mgsusalikhov@yandex.ru

Ирина С. Салихова, Московский университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия, 115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1; Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия; 117418, Россия, Москва, Нахимовский пр., д. 47; irinasalikhova@yandex.ru

Владимир К. Спильниченко, доктор экономических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; spilnvladimir@yandex.ru

Information about the authors

Boris V. Salikhov, Dr. of Sci. (Economics), FSBSI "Expert-Analytical Center", Moscow, Russia; bldg. 4, bld. 13, Talalikhina Street, 33, Moscow, Russia, 109316;

Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia; bld. 47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117418; mgsusalikhov@yandex.ru

Irina S. Salikhova, Moscow Witte University, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 12, 2-i Kozhukhovskii Alleyway, Moscow, Russia, 115432;

Russian Academy of Sciences Central Economics and Mathematics Institute, Moscow, Russia; bld. 47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, Russia, 117418; irinasalikhova@yandex.ru

Vladimir K. Spilnichenko, Dr. of Sci. (Economics), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047 spilnvladimir@yandex.ru